

— Сколько?!

Отец не верил своим ушам и сам бросился проверять. Его сын, сглотнув слюну, пробормотал:

— Пять... пять ши. А ведь в прошлом году у старосты и четырёх с небольшим не набралось...

Договорить он не успел — получил отцовский подзатыльник.

— Тебе четыре ши уже мало? — рявкнул старик.

— Да нет, что вы! — Юноша, хоть и получил затрещину, сиял от счастья. — Батя, у нас пять ши! Как думаете, у всех так или у нас больше всех?

— Да кто ж его знает. В том году мы удобрения не делали, только на чужой урожай облизывались. В этом же я глаз с поля не спускал: пока смесь готовили, пока в землю вносили... Две пары обуви стоптал, пока в дом Ли Да за советами бегал! Но дождались-таки жатвы... Неужто и впрямь больше пяти ши?

Старик всё никак не мог прийти в себя. Он раз за разом осматривал зерно, даже велел младшему сыну принести другие весы, чтобы проверить.

«Неужто обманули?»

Нет, весы были исправны.

Чистые пять ши и один доу.

Во дворе даже боялись говорить в полный голос, чтобы не спугнуть удачу.

— Некогда ляды точить! Живо за работу, нельзя урожай в поле оставлять, — скомандовал отец.

Усталость как рукой сняло. Глядя на гору зерна, он чувствовал, как в теле прибывает сила. Пока всё добро не будет заперто под замок, на сердце покоя не будет.

Вся деревня Сипин жила в таком ритме. За полмесяца собрали рис, обмолотили, очистили, просушили и засыпали в мешки. Едва закончили, как тут же принялись засеивать суходольные поля пшеницей. Лишь к концу октября люди смогли наконец перевести дух.

Когда пришло время везти налог в город, деревенские мужики пребывали в прекрасном расположении духа. Собравшись в кучу, они весело перекликались:

— Ну, сколько твои поля дали?

— Ты погляди на него, старый лис! Будто сам не знаешь — у тебя-то небось столько же.

В этом году заливные поля по всей деревне словно сговорились: пять ши с му было самым малым. У прилежных хозяев выходило по пять ши и два, а то и три доу.

— Знаешь, — рассуждал один из крестьян, — раньше, когда погода благоволила, мы и трём ши радовались. Я и в самом смелом сне не видел, что будет пять. Пять ши!

— Да уж, — вторил ему другой. — Бывало, соберёшь три ши и плакать готов от счастья. Когда я свои пять взвесил, думал — весы врут.

— Ха-ха, и у меня так же! Ну, теперь-то заживём.

— Всё благодаря Гу Чжао, мужу Чжоучжоу.

— И то правда. Учёный Гу — человек достойный, и семья Ли Да не стала знания прятать, всех научили удобрения делать. Если бы не они, мы бы про ту каменную крошку и слыхом не слыхивали.

— В том году четыре ши казались чудом, а в этом — ещё на один ши больше. Гу Чжао говорит, это потому, что мы вовремя удобрили. В прошлом году поздно начали, вот и собрали меньше.

— Видать, не зря люди учатся, есть в книгах толк.

— Ты что, своего малого в школу отдать решил? — прищурился сосед. — Ученье-то денег стоит.

— А почему бы и нет? Урожай добрый. Если так каждый год будет, то и учёного в семье прокормить сможем.

Тот, кто заговорил о расходах, призадумался. Раньше как было? Ковыряешься в земле весь год, лишь бы с голоду не помереть, да на свадьбу сыну копеечку отложить. Об учёбе и мечтать не смели — куда нам, пахарям, в книжники?

Но теперь всё иначе. Урожая вдоволь: и себе оставить, и на продажу. Даже у небогатых семей за год может двенадцать-тринадцать лянов скопиться, а такие, как семья Ван, и все двадцать отложат. Обуза в виде одного ученика уже не кажется такой непосильной.

— Мой-то, конечно, талантами не вышел, — честно признался один из мужиков. — Куда ему до мужа Чжоучжоу... Я к тому, что нечего моему олуху за книгами сидеть. Лучше подкопим пару лет, дом новый поставим, жену ему найдем, да еще пару му заливных купим — вот и жизнь наладится.

Мужики согласно закивали. Учёба — дело тонкое, не каждому дано, а вот земля, дом и дети — это по-нашему, по-крестьянски.

Налог был собран, караван двинулся в путь. Ли Да вёл своего мула, нагруженного зерном.

Пока мужчины были в городе, женщины и гэ'эры собрались кружком, обсуждая, что купят, когда продадут излишки. Обещали детям леденцы, дочкам — ленты в косы, да ткани на новые наряды.

Госпожа Тянь сияла ярче солнца, без умолку тараторя о своих планах:

— ...Обязательно нужно Чжоучжоу сказать! Пусть приходят к нам на пир, когда дом ставить будем.

— Да рано еще, вот построишь — тогда и зови! — смеялись бабы.

Тянь вскинула брови:

— Что вы понимаете! Семья Ли — наши благодетели, их надо первыми звать.

С этими словами она, покачивая бедрами, направилась к дому Ли Да. Соседки только посмеивались ей вдогонку, но по-доброму. Кто бы мог подумать, что та самая Тянь, которая год назад поносила Ли Да на чем свет стоит, теперь готова чуть ли не молиться на Ли Чжоучжоу и его мужа?

Сама женщина теперь говорила так:

«Слава богу, Чжоучжоу не пошёл за моего племянника! Иначе не видать бы нам Учёного Гу, не знать бы про удобрения, и не видать бы моему Да-ню ни нового дома, ни справной невесты!»

Хоть слова её были немного сумбурными, но доля правды в них была. Деревенские теперь понимали: хорошо, что Ли Да с сыном тогда не поддались на уговоры и не спешили с выбором. В итоге Чжоучжоу нашёл своего Гу Чжао из Дунпина.

Поистине, благословенный союз.

***

Наступил ноябрь. Кто-то продавал зерно, кто-то закладывал фундамент новых домов. Деревня Сипин гудела от радости. У людей появились деньги, а с ними и легкий нрав: все улыбались, даже споры теперь решались без криков.

Женщины, занимаясь шитьем, грызли семечки и орехи из своих корзинок. Дети с леденцами за щеками носились рядом, то и дело выпрашивая у матерей горсть лакомства. Наговорившись до хрипоты, взрослые пили воду из больших кружек.

— Славная вещь эта кружка, — хвалили они. — Крышкой закрыл — и никакая мошка не попадет. Чисто и объем подходящий.

— И то верно, муж Чжоучжоу хорошо придумал.

Пока одни праздновали новоселья, в округе Нинпин жизнь семьи Третьего Ли — Ли Чжэнжэня — была далеко не такой веселой.

— В кадке рис на доньшке, — ворчала его жена Фэн Пинпин, сидя перед зеркалом. — Когда твои деревенские приедут? Обычно раньше привозили, а сейчас задерживаются. Небось из-за того случая с племянником дуются?

Она обернулась к мужу:

— Сразу говорю: если твой братец вздумает нас зерном шантажировать или снова того олуха прислать — я этого не потерплю. И не надо считать меня мегерой. В прошлый раз твои родственнички тут такое устроили... Орала на весь квартал! А я ведь слова грубого не сказала. Их сын — воришка, я его просто пожарила, а он сам с испугу сбежал.

Ли Чжэнжэнь обнял жену за плечи, мягко успокаивая:

— Знаю, милая, я тебя не виню. Меня дома не было, и тебе пришлось вытерпеть все эти помои... Мой брат и его жена — люди тёмные, в деревне жизнь тяжёлая, вот и дети у них неотесанные. Ну, получил бы он от тебя пару пощёчин — невелика беда для такого детины. Сам виноват, что сбежал.

Фэн Пинпин кокетливо взглянула на мужа:

— Столько времени прошло, я уже и не злюсь почти. Всё-таки я старшая, не век же мне на мальчишку обижаться. — Тут она строго нахмурилась: — Но больше его сюда не пускай! От него шуму много, он Яоцзу заниматься мешает.

Ли Яоцзу был их старшим сыном.

— Разумеется. Мне и самому Ли Гуанцзун в тягость, — вздохнул Ли Чжэнжэнь, садясь на табурет. — Сколько лет я брату твердил: воспитывай парня! Ведь смысленный малый был. И что в итоге? Эх... Четыре месяца я пытался из него человека сделать — всё впустую. Пропавший ребенок.

Пинпин подседа к супругу и взяла его за руки:

— Твоей вины тут нет. Это родители его не доглядели. Мы хоть и дядя с тётёй, а всё же люди сторонние.

Помолчав, она снова нахмурилась:

— Послушай, а твой брат точно на нас зла не затаил? Вдруг он больше рис не привезёт? Мы ведь не даром берем, деньги платим.

— Несколько дней задержки... Видно, обида еще не прошла. — Ли Чжэнжэнь похлопал жену по руке. — Не волнуйся. Если не приедут, попросим отца с матерью съездить. У меня работы много, не вырваться. А старики давно в деревне не были, пусть навестят родные места. При них брат не посмеет упрямиться, глядишь — и гнев сменит на милость.

Это успокоило Фэн Пинпин. Слово родителей для Ли Эра было законом — почтение к старшим заставит его привезти рис.

Через два дня кадка совсем опустела. Пришлось идти в лавку и покупать дорогой рис. Вернувшись, старики Ли не находили себе места, проклиная «неблагодарного» второго сына. Пятнадцать вэней за шэн! Каждая монета была словно вырвана из сердца.

Ли Чжэнжэнь нанял для родителей мула с повозкой и сам проводил их.

— Простите, что обременяю вас в такие холода, — говорил он, кланяясь. — Я бы сам поехал, но дела...

— Мать всё понимает, сынок, — ответила старая госпожа Ли. — Тебе одному такую ораву кормить нелегко. Не переживай, обратно мы уже с рисом вернёмся. Ступай в дом, на ветру холодно.

Старик Ли угрюмо добавил:

— Если бы не этот негодник Ли Эр, не пришлось бы нам на старости лет по дорогам трястись. Неблагодарный сын.

— Батюшка, не гневайтесь так, здоровье поберегите.

Ли Чжэнжэнь и Фэн Пинпин долго махали им вслед, кутаясь в теплые одежды. Возничий, глядя на это, только хмыкнул. Хлестнув мула, он выехал со двора.

«На словах-то они заботливые, — подумал он про себя, — а в дорогу старикам ни крошки еды, ни глотка воды не дали. С пустыми руками в повозку сели...»

Впрочем, какое ему дело? Не его родители — пусть себе голодают.

Старики Ли не были в Сипине пятнадцать лет и давно позабыли, как труден путь в деревню. Когда-то, после раздела имущества, они распродали всё добро и вместе с младшим сыном перебрались в город. Сначала им было непривычно, но за столько лет они даже дорогу подзабыли.

Они ехали, полные решимости вытрясти из Второго Ли зерно и отчитать его за непочтительность — как он посмел заставить родителей пуститься в такой путь? О собственной еде они и не вспомнили. И «любящий» Ли Чжэнжэнь с женой тоже «забыли» об этом.

Прошло два часа. Повозка выехала за городские ворота и углубилась в пустынные земли. Старая госпожа Ли выглянула из-под навеса: кругом ни души, ни одного селения. От утренней чашки пустой каши давно не осталось и следа, в животе урчало.

— Послушай, малый, скоро ли приедем? — спросила она возничего.

— Еще долго, — не оборачиваясь, ответил тот. — Хорошо, если к сумеркам доберемся.

Дело было плохо. Старики переглянулись, но сказать было нечего. В итоге они дотерпели до первой же деревни, где за один вэнь купили паровую булочку. Разломив её пополам, они молча жевали, с трудом сглатывая сухие куски. Деньги у них были, но они так берегли каждую копейку для младшего сына, что жалели потратить их на себя.

Повозка на муле ехала быстрее воловией, и к сумеркам они наконец добрались до деревни Сипин.

Стало совсем темно. Ворота в городке Пинъань уже закрылись, и возничему было опасно возвращаться ночью. Обычно в таких случаях он просился на ночлег к хозяевам, платя пару медяков за кипяток — еда у него была своя. Старая госпожа Ли охотно согласилась: зачем платить чужим, если можно переночевать у сына? Сэкономить пару вэней — дело святое.

— Ну, почтенные, где ваш дом? Куда править?

В густеющей темноте женщина совсем потерялась. Она велела мужу слезть и вести возничего. Но когда они въехали в деревню, оба замерли в недоумении.

Это... это точно Сипин?

— Я помню, что здесь был пустырь, — пробормотал старик Ли.

— У въезда жил старый Ван, тот, что проиграл свои поля... Тогда его семья еще не разделилась, их старый дом стоял в глубине... — Глава семейства поднял большой палец, показывая возничему. — Наш старый дом достался второму сыну, он там, дальше.

— Видать, зажиточные у вас дети, — заметил возничий.

— В деревне-то? Пф-ф! — фыркнула старуха. — Это всё пустяки. Вот младший наш — тот да, человек большого ума и таланта. Давно нас в город забрал, чтобы мы в роскоши жили.

В деревне-то что хорошего? С утра до ночи в поле горбатся, за свиньями да курами ходи, стирай, готовь... В городе старухе тоже приходилось стирать и готовить, но там хоть не надо было в страду спину гнуть на обмолоте риса.

В городе двор у Третьего Ли был крошечный, даже грядку под зелень негде было втиснуть.

— Раньше тут всё бурьяном поросло, — всё удивлялся старик Ли, глядя на новые добротные заборы.

Старая госпожа Ли подтолкнула его:

— Хватит глазеть, ищи, где Ли Эр живет.

Новых домов прибавилось, и старики сбились со счета. В темноте все ворота казались одинаковыми. В конце концов старик постучал в первый попавшийся дом.

И попал к Чжан Чжуцзы. Раньше у Чжанов забор был одно название, но в этом году урожай позволил построить новый дом, починить ограду и поставить новые ворота — Тянь настала, чтобы всё выглядело богато, ведь для Да-ню уже нашли невесту. В следующем месяце должны были обменяться брачными картами, а в Новый год — сыграть свадьбу. Зимой крестьяне свободны от полевых работ, самое время для пиров.

В новом доме Тянь как раз грела ноги в тазу. Услышав стук, она проворчала: «Кого это на ночь глядя принесло?» — и ткнула мокрой пяткой мужа в плечо:

— Сходи глянь, не мне же босой бежать!

Чжан Чжуцзы послушно поплёлся к дверям.

— Кто там?

— А вы будете?.. — Старик Ли замялся. За десять лет дети в деревне выросли, и он не узнавал лиц.

Старая госпожа Ли выступила вперед. Приняв вид важной городской дамы, она вежливо улыбнулась:

— Мы из семьи Ли. Пятнадцать лет назад уехали в город к младшему сыну, Ли Чжэнжэню. Подскажите, где теперь живет наш второй сын? Мы так давно не были в этих краях, что всё позабыли...

Тянь долго ждала мужа. Когда тот вернулся, она недовольно бросила:

— Вода уже остыла! На печи в горнице есть кипяток, добавь мне еще. Потом сам помоешься.

Чжан Чжуцзы стал подливать воду жене.

— Так кто там был?

— Родители Ли Эра. Те самые, что уехали в город к Третьему...

Он не успел договорить, как Тянь с плеском вскочила из таза. Чжан замер с ковшом в руке, не зная, лить воду или нет.

— Ты чего? Вода же...

— К чёрту воду! — Тянь вытерла ноги, влезла в обувь и накинула фуфайку. — Нет, я должна предупредить Чжоучжоу! Эти двое просто так не приехали бы, точно недоброе задумали.

Она сразу догадалась, в чём дело.

Ли Эр в этом году не привёз в город дешёвый рис — вот и вся разгадка. Старикам стало нечего есть, вот они и притащились, ироды. Тётушка Чжан поспешно оделась и, потащив за собой мужа, бросилась к дому Ли Да. Шум во дворе услышали и в соседнем доме Вана.

Пока Тянь впопыхах объясняла ситуацию Чжоучжоу, от дома Ли Эра донёлся пронзительный голос Лю Хуасян.

Через несколько минут в деревне, где в это время полагалось уже тушить огни, один за другим стали зажигаться масляные светильники. Жизнь в Сипине стала сытнее, так что масло теперь не слишком берегли. К тому же случай был из ряда вон выходящий.

Давно в деревне не слышали доброй перебранки. Честно говоря, Тянь даже немного соскучилась по этому делу.

— Если эти двое сунутся к вам, я их сама за ворота выпровожу! — заявила она.

Гу Чжао, стоявший рядом с Ли Чжоучжоу, заметил, с каким воодушевлением женщина предвкушает возможную стычку.

«А она в своём репертуаре», — подумал он.

Чжоучжоу поблагодарил тётушку и попросил её возвращаться в тепло, чтобы не простудиться.

Тянь кивнула, но домой не пошла. Ухватив мужа за рукав, она потащила его к дому Ли Эра. Ворота соседей уже были распахнуты, люди высыпали на улицу, кто-то лез на забор, кто-то стоял с фонарем. Деревенские переглядывались, обмениваясь многозначительными взглядами, а один дядька даже отправил сына домой за семечками, чтобы веселее было наблюдать.

— Плевать я хотела! — гремел голос Лю Хуасян. — Десять лет вы ели наш дешевый рис, а теперь еще и права качаете? Идите обратно к своему подлецу Ли Чжэнжэню, пусть он вас кормит! От меня вы и зёрнышка больше не получите!

Она кричала так громко, чтобы каждое слово разлетелось по округе:

— Соседи, посмотрите на них! Я ли здесь виновата? Сначала Третий со своей мегерой чуть нас по миру не пустили, едва в могилу не свели — я молчала! Восемьдесят вэней они нам до сих пор должны — я терпела! А теперь эти двое являются ночью и первым делом бьют Гуанцзуна по лицу! Где это видано?

— Мой сын — такой же внук семьи Ли! За что его бить? Сначала в городе та шлюха его изводила, теперь в собственном доме дед замахивается! Еще и непочтительными нас называют! Как мне еще быть почтительной — жизнь свою отдать?!

Лю Хуасян завывала, прижимая к себе Ли Гуанцзуна.

Старики Ли, добравшись по наводке Чжан Чжуцзы до места, были измотаны дорогой и

голодны. В их сердцах кипела обида на второго сына: если бы он сам привёз рис, им не пришлось бы так страдать. Поэтому глава семейства застучал в ворота со всей злостью.

Когда Гуанцзун открыл, в темноте он не разобрал, кто стоит перед ним. Старик Ли тоже не смотрел — какая разница? Кто бы ни вышел, он из семьи Второго Ли, а отец всегда имеет право проучить отпрыска. Поэтому он с ходу отвесил парню тяжёлую пощёчину, осыпая его проклятиями за то, что заставил деда тащиться в такую даль...

Юноша опешил и закричал: «Мама!» Лю Хуасян, выскочив на крик, увидела, что сына ударили, и, услышав брань стариков, окончательно потеряла самообладание. Весь накопленный за год гнев вырвался наружу.

Старая госпожа Ли за десять лет в городе совсем растеряла навык деревенских ссор. Она надеялась, что, как мать, легко приструнит невестку. Но Лю Хуасян было уже не остановить.

Она поносила Ли Чжэнжэня последними словами: называла его двуличным мерзавцем, а его жену — шлюхой, желала им всяческих бед и «гнилого потомства».

Старики не могли вынести такого оскорбления своего любимчика. Началась яростная перепалка, но по силе голоса невестка явно выигрывала. Госпожа Ли тряслась от ярости: переспорить женщину она не могла, ударить — тоже, потому что внук закрывал мать собой. Тогда старуха залилась слезами, взывая к совести соседей: мол, невестка совсем от рук отбилась, смерти родителей хочет.

Листарик стал кричать на второго сына, требуя, чтобы тот немедленно развёлся с такой «злой женщиной».

— Ты только послушай, как твоя жена брата поливает! Гони эту мегеру из дома!

Но Ли Эр, который раньше всегда послушно кивал, на этот раз ответил резко:

— Моя жена всё верно говорит! Где она соврала? Если и гнать кого, так пусть сначала Ли Чжэнжэнь свою бабу из дома выкинет!

Он больше не называл брата по имени — только «Третий».

В толпе зевак кто-то одобрительно угукнул. Старик окончательно вышел из себя и потребовал позвать старосту, чтобы тот по закону деревни наказал неблагодарного сына.

— Гуанцзун, иди за старостой, — мрачно сказал Второй брат.

После возвращения из города Ли Эр много думал. Жена каждый день проклинала

родственников, и в его душе тоже копилась обида. Но он всё еще пытался найти оправдание родителям: мол, хоть они и любят Третьего больше, но его-то не обделили. Дом в Сипине остался ему, поля — тоже, и шестнадцать лянов серебра при разделе выдали.

Тогда Ли Чжэнжэню, раз он отказался от земли, дали тридцать лянов. Лю Хуасян еще ворчала: «Небось мать припрятала заначку». Но муж тогда заступился за родителей: «Раз Третьему земля не досталась, пусть ему на несколько лянов больше дадут. Мы-то с землей не пропадем. Много ли мать могла скопить? Пару лянов, не больше».

Так он думал раньше.

Раньше, когда они возили дешевый рис, родители всегда встречали их ласково, интересовались делами. Жена твердила, что это всё притворство ради выгоды, но он не хотел верить. Он думал, что во всем виноват только Ли Чжэнжэнь, а родители просто ослеплены любовью к младшему.

Но в этом году они приехали не за миром. Они не спросили, как Ли Эр перенёс обиду, не поинтересовались здоровьем внука после побоев. Они сразу ударили парня и обвинили сына в непочтительности.

У Второго Ли на сердце стало холодно.

— Десять лет мы возили вам рис... А вы ради этого ирода готовы нас в грязь втоптать. Даже не спросили, что случилось, сразу сторону Третьего приняли.

— Сам ты ирод! — закричал старик, тыча пальцем в лицо сыну. — Мы думали, ты человек порядочный, а ты из-за паршивых медяков в городе скандал устроил, опозорил брата на всю округу!

Позор брата был мужчине безразличен — его семья в тот день потеряла и достоинство, и деньги.

Ночь была холодной. Соседи вынесли на улицу жаровни, чтобы греться, пока идет разбирательство. Вскоре подошёл староста и несколько уважаемых старейшин. Пятнадцать лет назад именно они были свидетелями при разделе имущества семьи Ли.

Старик сразу стал жаловаться на непочтительность сына. Но староста деревни, не глядя на него, обвёл взглядом толпу и громко приказал:

— Хватит шуметь! Что здесь происходит?

Зеваки притихли, но расходиться не спешили.

— Ну что, старый друг, решил навестить нас на праздники? — обратился староста к Листарик.
— Хотя до Нового года еще далеко.

Тот снова завел свою песню о непочтительном сыне и потребовал сурового наказания.

— И в чём же его вина? — спросил староста. — Он тебя ударил? Или оскорбил?

На глазах у всех Лю Хуасян поносила только Третьего Ли, а старикам слова худого не сказала. Старая госпожа Ли пыталась ударить невестку, но Гуанцзун терпеливо принимал удары на себя, не давая сдачи. А сам хозяин дома стоял не шелохнувшись, когда отец его бил.

Где же тут непочтительность?

— Нельзя обвинить человека в нарушении сыновнего долга просто со слов. Что случилось? — спросил староста, выступая посредником.

Старик буркнул:

— Ли Эр перестал нам рис привозить.

— Это наш рис! С какой стати мы должны отдавать его этому проходимцу Третьему? — не выдержала Лю Хуасян.

Старуха снова замахнулась на невестку, но внук перехватил её руку. Женщина в ответ снова принялась костить городских родственников. Поднялся невообразимый гвалт.

Наконец староста рявкнул:

— Прекратите этот балаган! — И велел своему сыну: — Сходи к Ли Да, узнай, не спит ли он. Если нет — пусть придет, надо во всём разобраться прямо сейчас.

***

Когда Тянь прибежала предупредить их, Гу Чжао понял, что выспаться сегодня не удастся. Ли Да тоже помрачнел.

Когда пришёл сын старосты, отец Чжоучжоу сказал:

— Пойдемте все.

Ли Чжоучжоу и Гу Чжао отправились вслед за ним. У ворот Ли Эра уже горели костры, толпа стояла плотной стеной.

— Чжоучжоу, Гу Чжао, проходите сюда, тут теплее! — деревенские женщины сразу стали звать их к своим жаровням. — Угощайтесь хворостом, свежий!

Учёный Гу вежливо поблагодарил:

— Спасибо, тетушки, но нам надо сначала послушать, в чём дело.

— Да-да, идите. Ваша семья давно отделилась, вас это не касается.

— Точно, просто посмотрите на этот цирк.

Как только они отошли, женщины зашептались. Одна сказала:

— Видали? Старики Ли припёрлись зерно вымогать. Десять лет на дармовщине жили, а теперь еще и драться лезут. Лишь бы к Ли Да не начали цепляться.

Другая ответила:

— Пусть только попробуют! Я у них ни зёрнышка не взяла, мне терять нечего — сама эту старуху за космы оттаскаю, если к Ли Да полезет.

Жители Сипина, только что получившие богатый урожай и деньги, были преисполнены благодарности к семье Ли Да. Кого им защищать — своих благодетелей или этих городских выскочек? Ответ был очевиден.

Ли Да не стал подходить к родителям, а лишь поздоровался со старостой. Старики даже не узнали старшего сына, да и не хотели узнавать — для них он всегда был пустоголовым пахарем. Они продолжали требовать от старосты справедливости и наказания для Второго Ли.

— Раз все в сборе, скажу пару слов, — староста поднял руку.

Толпа затихла.

— Пятнадцать лет назад семья Ли разделилась. Ли Эр, у тебя осталась копия договора?

Мужчина посмотрел на жену — хозяйством заведовала она. Лю Хуасян подтвердила, что договор цел, сбегала в дом и вынесла его вместе с лампой. Ли Да тоже достал свою копию.

Староста вытащил из-за пазухи третий экземпляр:

— Вот мой экземпляр, оставленный на хранение. Почтенные старейшины, прошу вас подтвердить, всё ли верно.

При свете фонарей и факелов трое старцев внимательно изучили бумаги. Всё было верно.

Староста взял договор и громко зачитал:

— Весна тридцать третьего года эры Канцзин. Договор раздела имущества Ли Гоуцзы. Трое сыновей: Ли Да, Ли Эр, Ли Чжэнжэнь...

— ...Ли Да получает пять му сухой земли и место под застройку. Денег — ноль.

— Ли Эр получает шестнадцать лянов серебра, старый дом и большую часть полей.

— Ли Чжэнжэнь получает тридцать лянов серебра. От земли и дома в деревне отказывается.

— Родители, Ли Гоуцзы и госпожа Ли, уезжают жить к младшему сыну. От прав на землю и дом в Сипине отказываются полностью...

Закончив читать, староста посмотрел на стариков:

— Вы сами подписались под тем, что земля вам больше не принадлежит. Так о каком рисе идет речь? Ваш второй сын владеет землей по праву. Если он не хочет давать зерно — это его воля. Это не непочтительность. В законе не сказано, что брат обязан кормить брата. Кому он должен быть почтительным? Своему младшему брату Ли Чжэнжэню?

Старик понял, что староста на стороне его второго сына. Старуха Ли начала кричать о несправедливости, обвиняя главу деревни в подсуживании.

Тут подал голос Шугун, который до этого молчал:

— Послушай, госпожа Ли. В тот день, когда вы делили имущество, ты сказала, что у семьи осталось всего сорок шесть лянов серебра. Но я отчетливо помню, как в тот год на праздники ты проговорила... Вы тогда выручили восемьдесят восемь лянов. Как же вышло, что к моменту раздела их стало вдвое меньше?

Ли Да не получил ни гроша.

Ли Эр получил шестнадцать лянов.

А родители, оказывается, держали в руках не сорок шесть, а восемьдесят восемь лянов серебра.

У Ли Эра на лбу вздулись жилы. Он смотрел на своих родителей, и в его глазах гас последний огонёк надежды.

Это были его отец и мать.

<http://bllate.org/book/15349/1423127>